

Функции правовой доктрины: коммуникативно-правовая интерпретация

Новиков П. Д.

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта (Калининград, Российская Федерация)

E-mail: pnovikoff@yandex.ru

Аннотация

Введение. Функциональный подход представляется эффективным эвристическим инструментом познания механизмов действия правовой доктрины. Особенную актуальность выбор функционального подхода приобретает в силу аутопоэтической природы правовой коммуникации. Однако функции правовой доктрины еще недостаточно концептуализированы в рамках постнеклассической парадигмы. В статье проанализированы и обобщены трактовки функций правовой доктрины в отечественной науке, установлена структура и уточнен состав функций правовой доктрины в контексте постнеклассической парадигмы. Функционирование доктрины как доктринального фактора правовой коммуникации показано на примере средневековой доктрины *Jus commune*.

Методология и материалы. Исследование опирается на постнеклассическую парадигму и коммуникативную теорию права А. В. Полякова, системный, структурно-функциональный подходы, сравнительный, формально-логический методы. Материалы исследования включают специальные научные публикации по проблематике правовой доктрины, общие работы по теории систем и методологии научного исследования, фактический материал из истории права.

Результаты исследования и их обсуждение. Структура функций правовой доктрины включает субъект (осуществляет деятельность), объект (испытывает воздействие), деятельность (процессы в рамках деятельности) и цель такой деятельности. Функционирование доктрины в правовой коммуникации происходит в форме доктринального фактора через четыре функции, воздействующие на разные объекты правовой реальности: 1) селективная (отбор и наделение определенных социальных фактов статусом юридической релевантности), 2) смыслообразующая (обуславливание процессов легитимации и интерпретации, происходящих в сознании субъектов), 3) прескриптивная (установление доктриной правил поведения), 4) конститутивная (организация и развитие — конструирование — правовой системы).

Выводы. В исследовании сформулированы общие параметры доктринального фактора правовой коммуникации: функционирование доктрины кумулятивное, объединяет три аспекта объективации доктринального фактора (текстуальный, когнитивный и праксиологический), носит циклический и возобновляемый характер. Возможность инструментального применения структуры функций определяет практическую значимость исследования. Перспективы дальнейших исследований связаны с анализом действия других правовых текстов через функциональный подход.

Ключевые слова: правовая доктрина, функциональный подход, системно-структурный подход, функции правовой доктрины, постнеклассическая парадигма, коммуникативная теория права, доктринальный фактор, *Jus commune*.

Для цитирования: Новиков П. Д. Функции правовой доктрины: коммуникативно-правовая интерпретация // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2025. № 3 (25). С. 138–148. EDN: GTKVLO

The article was submitted: 21.04.2025
 The article approved after reviewing: 11.06.2025
 The article accepted for publication: 05.08.2025

Functions of Legal Doctrine: Communicative-Legal Interpretation

Novikov P. D.

Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russian Federation)

E-mail: pnovikoff@yandex.ru

Abstract

Introduction. The functional approach is an effective heuristic tool for understanding the mechanisms of legal doctrine. The choice of a functional approach is of particular relevance due to the autopoietic nature of legal communication. However, the functions of legal doctrine are not yet sufficiently conceptualized within the framework of the post-neoclassical paradigm. The article analyzes and summarizes the interpretations of the functions of legal doctrine in domestic science, establishes the structure and clarifies the composition of the functions of legal doctrine in the context of the post-non-classical paradigm. The functioning of the doctrine as a doctrinal factor of legal communication is shown on the example of the medieval doctrine of *Jus commune*.

Methodology and materials. The study is based on the post-non-classical paradigm and the communicative theory of law by A. V. Polyakov, systemic, structural-functional approaches, comparative, formal-logical methods. The research materials include special scientific publications on the problems of legal doctrine, general works on the theory of systems and methodology of scientific research, and actual material from the history of law.

Results and discussion. The structure of the functions of legal doctrine includes the subject (carries out activities), the object (experiences the impact), the activity (processes within the activity) and the purpose of such activity. The functioning of the doctrine in legal communication occurs in the form of a doctrinal factor through four functions that affect different objects of legal reality: 1) selective (selection and endowment of certain social facts with the status of legal relevance), 2) meaning-forming (conditioning the processes of legitimation and interpretation occurring in the minds of subjects), 3) prescriptive (establishment of rules of conduct by the doctrine), 4) constitutive (organization and development - construction - of the legal system).

Conclusions. The study formulates the general parameters of the doctrinal factor of legal communication: the functioning of the doctrine is cumulative, combines three aspects of the objectification of the doctrinal factor (textual, cognitive and praxiological), is cyclical and renewable. The possibility of instrumental application of the structure of functions determines the practical significance of the study. Prospects for further research are related to the analysis of the action of other legal texts through a functional approach.

Keywords: legal doctrine, functional approach, system-structural approach, functions of legal doctrine, postnon-classical paradigm, communicative theory of law, doctrinal factor, *Jus commune*.

For citation: Novikov, P. D. (2025) Functions of Legal Doctrine: Communicative-Legal Interpretation. *Theoretical and Applied Law*. No. 3 (25). Pp. 138–148. (In Russ.)

Введение

В современных исследованиях правовой доктрины уделяется внимание в том числе аспекту ее функций¹. Эта сторона вопроса представляется особенно актуальной, ибо задача моделирования

¹ Чашин А. Н. Правовая доктрина как источник (форма) российского права. М.: ИНФРА-М, 2023; Зозуля А. А. Доктрина в современном праве. Дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. СПб., 2006; Любитенко Д. Ю. Правовая доктрина Конституционного суда Российской Федерации: общетеоретический аспект. Дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Волгоград, 2011; Разуваев Н. В. Юридическая доктрина как средство конструирования

доктринального фактора (то есть действия правовой доктрины) в правовой коммуникации решается, как представляется, предпочтительнее именно на основе функционального подхода. Такой выбор обусловлен тем, что одна из основных постнеклассических теорий в отечественном правоведе-нии — коммуникативная теория права А. В. Полякова — наделяет правовую систему свойством ауто-поэзиса. В трактовке немецкого социолога Н. Лумана это означает способность к «воспроизводству посредством репродукции своих элементов, из которых они (системы. — *Прим. авт.*) состоят»², то есть самовоспроизводству. А. В. Поляков, хотя и не заостряет на этом внимание и не говорит об аутопоэзисе правовой системы напрямую, тем не менее ссылается на известных чилийских биологов У. Р. Матурану и Ф. Х. Варелу — авторов теории аутопоэзиса, чьи идеи повлияли также и на Н. Лумана. Полагаем, что идея самовоспроизводства права (правовой системы) имманентна концепции правовой коммуникации и логически из нее следует. Очевидно, что коммуникативная модель отношений иде-альна — в «живой реальности» права невозможно говорить об абсолютном взаимопонимании субъ-ектов коммуникации, поскольку даже один и тот же текст каждым человеком толкуется по-своему. Но как раз в результате этой незавершенности, в определенной степени неполноты коммуникации про-исходит ее развитие и самосовершенствование. Передавая каждый раз новое правовое сообщение, субъект провоцирует в сознании другого субъекта ответную реакцию интерпретации этого сообщения (текста). Сам А. В. Поляков об этом пишет так: «...Коммуникация определенным образом перестраи-вает сознание коммуникантов, адаптирует их друг к другу»³. Подобным образом можно наблюдать становление и усложнение системы правовой коммуникации, которое происходит в результате своих же собственных действий. Описанные процессы, как показывает С. В. Тихонова, охватываются исполь-зуемым в системной теории понятием «самореференции», означая самообоснование системы через ссылки на саму себя»⁴.

Философ Э. Г. Юдин подчеркивал, что целесообразность, присущая большому множеству (в том чи-сле аутопоэтических) систем, не может быть объяснена в рамках одних только причинных взаимосвя-зей⁵. Согласимся с теми исследователями, которые полагают, что когда мы имеем дело с подобными системами, то наиболее наглядным и эффективным способом объяснения происходящих в них процес-сов будет объяснение функциональное, в большей степени свойственное именно системному анализу, нежели причинно-следственному⁶. Поскольку в качестве объекта моделирования, основанного на функ-циональном подходе, должна выступать функциональная структура исследуемого процесса⁷, за основу построения модели доктринального фактора следует взять функции правовой доктрины. Далее мы про-анализируем и обобщим трактовки функций доктрины в отечественной юридической науке и опреде-лим главные контуры функционального действия правовой доктрины — доктринального фактора право-вой коммуникации.

Методология и материалы

Исследование проблемы концептуализации функций правовой доктрины в контексте постнекласси-ческой парадигмы осуществлено на основе коммуникативной теории права в том ее варианте, который предложен А. В. Поляковым. Для достижения задач исследования использованы формально-логический метод, сравнительный метод (для сопоставления научных позиций по проблеме), системный и струк-

правовой реальности // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2019. № 1; Михайлов А. М. Юридическая доктрина и правовая идеология: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2022.

² Luhmann N. (1984) Soziale Systeme: Grundriss einer allgemeinen Theorie. Frankfurt. S. 555.

³ Поляков А. В. Коммуникативная концепция права // Коммуникативное правопонимание. Избранные труды. СПб.: Алеф-Пресс, 2014. С. 11.

⁴ Тихонова С. В. Коммуникативная теория права А. В. Полякова в условиях медиального поворота: структурные точки роста // Российский журнал правовых исследований. 2023. Т. 10. № 1. С. 40.

⁵ Юдин Э. Г. Методология науки. Системность. Деятельность. М.: Эдиториал УРСС, 1997. С. 141. EDN: TDGBUZ

⁶ Бочаров А. В. Основные научные методы в историческом исследовании: учеб. пособие. Томск, 2006. С. 126–127.

⁷ Рой О. М. Исследования социально-экономических и политических процессов: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2024. С. 260.

турно-функциональный методы, позволившие разработать структуру функций правовой доктрины и их состав.

Материалы исследования включают специальные научные публикации по проблематике правовой доктрины, общие работы по теории систем и методологии научного исследования. Действие доктринального фактора правовой коммуникации через функции доктрины проиллюстрировано на фактическом материале из истории средневековой правовой доктрины *Jus commune*.

Результаты исследования и их обсуждение

В целом в отечественной юриспруденции обнаруживается недостаточная философская и теоретико-правовая проработка функций правовой доктрины как юридической категории. До сих пор остается актуальным мнение, высказанное еще В. С. Нерсесянцем, о том, что в отечественной литературе преобладают позитивистские подходы к исследованию проблематики правовой доктрины⁸, что заметно и в случае с ее функциями. Такие авторы, как А. А. Зозуля, Д. Ю. Любитенко, А. Н. Чашин, исследуя функции правовой доктрины, рассуждают в позитивистском и догматическом ключе: подчеркивается ведущая роль закона и государства, от которых правовая доктрина наряду с иными источниками права получает свою юридическую силу⁹; роль доктрины сводится к «адаптации содержания властных предписаний к изменяющимся общественным отношениям, не получающим должного правового регулирования»¹⁰; аргументация строится на понимании статуса доктрины в текущей правовой системе Российской Федерации¹¹. Полагаем, в аспекте изучения функций правовой доктрины возможности позитивистской методологии уже исчерпаны. Базисные положения постнеклассической парадигмы обнаруживаются при рассмотрении работ Н. В. Разуваева и А. М. Михайлова, которые отмечают роль доктрины в конструировании правовой реальности, способствующую непрекращающемуся развитию и обновлению последней¹². Этими авторами предлагаются и перечни функций правовой доктрины, что представляет интерес для настоящего исследования.

Однако обращает на себя внимание тот факт, что ученые, предлагающие свое видение функций правовой доктрины, не раскрывают при этом их понятие и структуру. Функции приписываются доктрине как бы априори. Восполнение этого пробела позволило бы более фундаментально обосновать учение о функциях доктрины и дальнейшее моделирование доктринального фактора правовой коммуникации на основе функционального и коммуникативного подходов. В этом контексте интересно замечание С. Н. Туманова, который заостряет внимание на проблеме терминологической путаницы, иногда приводящей к отождествлению «функций государства» с такими понятиями, как «цель», «задачи», «деятельность», «действие», «результат» и проч.¹³ Это лишний раз подчеркивает, что и теория функций правовой доктрины нуждается в тщательной проработке, одним из шагов которой должно стать уяснение структуры функций, поскольку она могла бы стать важнейшим средством анализа и сравнения различных позиций относительно конкретного состава функций доктрины. На данный момент следует констатировать отсутствие каких-либо предложений на этот счет в юридической литературе, например, в отличие от проблематики, связанной со структурой функций государства, разработанной значительно подробнее.

Так, Н. Н. Вопленко и А. В. Козлов, усовершенствовав сформулированную А. П. Глебовым идею о структуре функции государства, выделили в ее составе объект, субъект, деятельность государства и цель такой деятельности¹⁴. Полагаем, что указанный подход допустимо адаптировать применительно к теоретической дискуссии о структуре функции правовой доктрины, определив для последней следую-

⁸ Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства: учебник / В. С. Нерсесянц. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. С. 386.

⁹ Чашин А. Н. Указ. соч. С. 254; Зозуля А. А. Указ. соч. С. 7.

¹⁰ Любитенко Д. Ю. Указ. соч. С. 79.

¹¹ Чашин А. Н. Указ. соч. С. 254; Зозуля А. А. Указ. соч. С. 9, 11, 27–28; Любитенко Д. Ю. Указ. соч. С. 80.

¹² Разуваев Н. В. Указ. соч. С. 5; Михайлов А. М. Указ. соч. С. 522.

¹³ Туманов С. Н. К вопросу о понятии и структуре функции государства // Вестник Пермского университета. Юридические науки, 2012. № 4. С. 33–34.

¹⁴ Вопленко Н. Н., Козлов А. В. К вопросу о структуре государственной функции // Вестник Волгоградского государственного университета. 2010. № 2-13. С. 18–19. EDN: NUKTDT

щие элементы: субъект (не стоит путать с субъектом права — в данном случае имеется в виду тот элемент социальной системы, который осуществляет целенаправленную деятельность), объект (элемент социальной системы, испытывающий воздействие, в котором происходят изменения), деятельность (процессы, происходящие в рамках осуществления функции) и цель такой деятельности.

Оправданность перенесения такого подхода для разработки функций доктрины обусловлена тем, что «функция» представляет собой общетеоретическое понятие, описывающее деятельность различных социальных систем — как государства, так и доктрины, представленной в виде системы социальных практик, в силу которых авторитетное сообщество юристов имеет возможность конструировать правовую систему («доктринальный фактор правовой коммуникации»). Основу такого понимания можно найти, в частности, в работах известного американского социолога, одного из авторов структурно-функциональной теории Т. Парсонса, утверждавшего принцип «действие есть система» (*action is system*)¹⁵. Вследствие выявления такой связи становится возможным (и оправданным) функциональный анализ разнообразных социальных систем.

Используя установленную структуру, проанализируем с этой точки зрения функции правовой доктрины, выделенные Н. В. Разуваевым и А. М. Михайловым. Сделаем оговорку: будем считать, что субъект функций правовой доктрины условно везде один и тот же — авторитетное сообщество ученых-юристов¹⁶.

У Н. В. Разуваева декларируются следующие функции правовой доктрины: селективная, прескриптивная, смыслообразующая, конститутивная и динамическая¹⁷. В результате анализа авторской позиции можно заметить, что конститутивная и динамическая функции в значительной степени пересекаются и даже дублируются в объекте, деятельности и цели. Так, правовая реальность как объект обеих функций представляет уже организованное множество юридически релевантных фактов, но деятельность по их организации происходит постоянно; описание фактов и выявление закономерных причинно-следственных связей как виды деятельности в структуре конститутивной функции являются, по существу, разновидностями методов получения нового знания, что отличает динамическую функцию; в ходе непрерывной организации правовой реальности происходит и ее трансформация (цели). В результате динамическая функция с точки зрения объекта и цели охватывается конститутивной, и наоборот, — функциональные процессы динамической функции оказываются шире, чем у конститутивной. Полагаем, что объединение этих функций в одну — конститутивную (с соответствующим ее расширением путем добавления динамического аспекта) — логичнее с точки зрения их структуры.

Что касается смыслообразующей функции, то в ее прочтении, предложенном Н. В. Разуваевым, она видится также включенной в объем конститутивной, поскольку совпадает с ней почти полностью: объект (правовая реальность), деятельность (смысловое наполнение феноменов, которое невозможно без признанных методов получения научных результатов) и цель (организация правовой реальности). Для того чтобы смыслообразующая функция обрела самостоятельное значение в контексте коммуникативной теории права, предлагаем в качестве ее объекта определить правосознание. Как отмечает А. В. Поляков, «человеческое сознание всегда опосредует правовую реальность. Только через свое когнитивное осмы-

¹⁵ Parsons T. (1968) The Position of Identity in the General Theory of Action. In: *The Self in Social Interaction*, Ed. C. Gordon, K. J. Gerden. Vol. 1. New York: Wiley. Pp. 11–24; Цит. по: Луман Н. Введение в системную теорию / под ред. Д. Беккера. М.: Логос, 2007. С. 19.

¹⁶ Заметим, что в среде исследователей не сложилось единодушия относительно вопроса о том, кого можно считать субъектами (носителями) правовой доктрины — на этот статус, помимо представителей юридической науки (Разуваев Н. В. Указ. соч. С. 7–8.), могут потенциально претендовать также и авторы, занимающиеся как вопросами догматики, так и идеологии (Михайлов А. М. Указ. соч. С. 426.). Наиболее же широкое понимание относит к доктрине результаты (а значит, и соответствующих субъектов) «судебной, политико-правовой, правотворческой и правоприменительной, научной деятельности...» (Бошно С. В. Понятие правовой доктрины // *Право и современные государства*. 2022. № 2-3. С. 45). В свою очередь, подобные рассуждения тянут за собой и такой малопривлекательный для юристов разговор, как обсуждение статуса научности юридического знания: ответ на него во многом зависит от выбранной научно-исследовательской программы (парадигмы). Так, с точки зрения т. н. «натуралистической» программы (Социальные знания и социальные изменения / под ред. В. Г. Федотовой. Ин-т философии РАН. М., 2001. С. 57 и далее. EDN: SUQAEB) научность юриспруденции крайне сомнительна, тогда как постнеклассический подход (выраженный, в частности, в «антинатуралистической» (по-другому называемой «культуроцентристской») программе) значительно расширяет допустимые рамки научности, которая, таким образом, может проявляться и в юриспруденции. В данной работе мы не ставили перед собой задачи ответить на подобного рода вопросы, которые, несмотря на всю важность, должны в силу своей значительности стать предметом отдельного исследования.

¹⁷ Разуваев Н. В. Указ. соч. С. 8–9.

сление и ценностную интерпретацию правовые тексты получают правовую легитимацию и трансформируются в нормативные установления, способные воздействовать на волю и соответственно на поведение субъектов, определяя его как правовое»¹⁸. Правовая доктрина при помощи смыслообразующей функции воздействует на правосознание субъекта коммуникации, чем обуславливает переживаемые им процессы интерпретации и легитимации правовых установлений. Отсюда, помимо прочего, следует вывод о двойственной природе доктрины в контексте коммуникативной теории — и как правового текста, и как средства легитимации (двух разных компонентов правовой системы).

Прескриптивную функцию, полагаем, также следует уточнить с учетом анализа ее структуры в контексте коммуникативной теории права. Во-первых, Н. В. Разуваев ведет речь о пробелах в позитивном праве, которые восполняет доктрина. В таком прочтении не совсем ясен объект данной функции, особенно если учесть, что результатом должно стать «замещение» того же позитивного права. Поэтому необходимо понять, что в принципе является объектом правового регулирования — с тем, чтобы определить корректный объект для рассматриваемой функции. А. В. Поляков указывает, что предметом правового регулирования выступают общественные отношения, но непосредственное воздействие оказывается на поведение субъектов¹⁹. Таким образом, объектом данной функции, по нашему мнению, будет именно поведение субъектов.

Теперь аналогичным образом рассмотрим функции правовой доктрины, предложенные А. М. Михайловым²⁰, и сравним их с теми, которые разработал Н. В. Разуваев. Обращает на себя внимание казуистичный, лишенный абстрактного начала характер двух выявленных А. М. Михайловым функций — «обеспечение конкурентоспособности и распространения влияния правовой системы» и «противостояние кризису западной традиции права». Они, как представляется, в большей степени привязаны к конкретному историческому периоду, нежели к доктрине как таковой. К тому же сомнительным представляется «доминирование» *Jus commune* после XVII–XVIII вв., когда практически повсеместно было ограничено цитирование римского права, место которого заняло разросшееся позитивное законодательство национальных государств. Помимо вышеописанных функций, А. М. Михайлов вывел следующие: 1) «оптимизация юридической практики, формирование и обеспечение качества иных источников права», 2) «обеспечение автономии и внутренней интеграции права», 3) «нормирование юридического мышления».

Раскрывая содержание деятельности в рамках первой функции, А. М. Михайлов указывает на процессы, присущие различным функциям, выделенным Н. В. Разуваевым, — вполне ясно, что как селективная, так и смыслообразующая функции (и не только они, поскольку язык, догматика — это инструменты деятельности доктрины в целом) воплощаются посредством оперирования юридическим языком, понятиями норм и институтов, приемами толкования права и т. д. Юридическая практика как объект и оптимизация практики как цель функции представляются нам частными случаями выделенных нами объектов и целей функций, предложенных Н. В. Разуваевым.

Переходя ко второй функции в трактовке А. М. Михайлова, следует отметить, что как интеграция, так и автономия права являются неотъемлемыми частями общей цели конститутивной функции (по версии Н. В. Разуваева), поскольку составляют общий вектор, направленный на организацию и трансформацию правовой реальности: достижение этих целей невозможно как без утверждения обособленного значения права, так и без выстраивания системно-структурных связей между различными элементами правовой реальности.

Наконец, функция нормирования юридического мышления, исходя из своей структуры, также полностью может быть включена в описанную Н. В. Разуваевым (с учетом нашего уточнения в объекте) смыслообразующую функцию: юридическое мышление, или «сознание юристов», — это всего лишь часть общего правосознания (объект); содержание деятельности, отраженное в этой функции, может быть выражено и как «смысловое наполнение феноменов правовой реальности»; преследуемая цель также

¹⁸ Поляков А. В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: учебник. М.: Проспект, 2016. С. 372.

¹⁹ Поляков А. В. Указ. соч. С. 609.

²⁰ Михайлов А. М. Указ. соч. С. 499–599.

включается в общую направленность смыслообразующей функции, то есть оптимизацию и опосредование процессов интерпретации и легитимации правовых текстов субъектом (которым, очевидно, может выступать не только профессиональный юрист).

В результате анализа и сравнения структуры функций правовой доктрины, предложенных Н. В. Разуваевым и А. М. Михайловым, мы выявили и попытались устранить путем уточнения логические недостатки в содержании структурных элементов функций — объекте, деятельности, цели. Обобщая две авторские концепции, получаем в итоге четыре функции правовой доктрины в контексте постнеклассической парадигмы: смыслообразующая, прескриптивная, селективная и конститутивная. Именно в таком виде функции доктрины охватывают все основные компоненты социальной реальности (системы социальной коммуникации) — сознание субъектов (смыслообразующая), их поведение (прескриптивная) и факты (селективная), а конститутивная функция, объединяя их, организует и развивает модель правовой системы (реальности).

Для наглядности продемонстрируем действие уточненных нами функций правовой доктрины на примере из истории права — средневековой доктрины *Jus commune*.

Нередко у средневековых судей возникала проблема отсутствия необходимых для разрешения дела правил в современном для них позитивном праве. В таких ситуациях помощь оказывали ученые-юристы из университетов, составлявшие экспертные заключения (*consilia*), которые содержали предложения правоведов по надлежащему решению спора. Практика предоставления подобных заключений была распространена, в частности, во многих итальянских городах-коммунах²¹, которые прописывали в своих статутах порядок запроса судьями или самими тяжущимися *consilia* у юристов при университетах. Одним из актов, подразумевавших необходимость в определенных случаях обращаться к ученым-юристам, стали «Мельфийские конституции» 1231 г. императора Фридриха II (*Liber Augustalis*), изданные им для Сицилийского королевства, входившего на тот момент в состав Священной Римской империи. В титуле LXII, содержащем описание клятв, приносимых королевскими судьями, имеется следующий фрагмент: «Кроме того, они должны дать клятву, что будут судить согласно нашим конституциям, а в их недостатках — согласно утвержденным обычаям и, наконец, согласно общим законам, ломбардским и римским, как того потребуют тяжущиеся»²². Университетские правоведы в этих ситуациях привлекались для того, чтобы дать разъяснение казуса с точки зрения римского права, которое, впрочем, было в значительной степени переработано усилиями многих поколений схоластов — глоссаторов и комментаторов²³. Это привело к появлению самостоятельной правовой доктрины (*Jus commune*) — корпуса текстов, а также самих ученых (носителей доктринального знания), обладавших серьезным авторитетом в средневековом обществе.

Каким же образом в практике предоставления *consilia* проявляются функции правовой доктрины?

Селективная функция. Советуя по не урегулированному позитивным правом случаю, правоведы проводят границу между правом и неправом, указывают на релевантные для разрешения спора факты, осуществляют юридическую квалификацию (так, в 1354 г. суд венецианского дожа, следуя сформулированной юристами позиции, указал: «...преступление отличают воля и трезвый расчет»²⁴).

Смыслообразующая функция. Воздействует на правосознание субъектов (например, стороны спора и судью), сообщая им смысл тех или иных юридических фактов, ситуаций, правил и т. д.; *consilia* авторитетно указывают, какие тексты подлежат легитимации (например, в деле, последовавшем за провалом заговора Пацци против Лоренцо Медичи, юристы указали, что папа римский посягнул на нормы, выводимые из естественного права²⁵).

²¹ Среди них можно упомянуть статут 1434 г. аббатства Сан-Сальваторе в республике Сиена и статут 1448 г. коммуны Рокка-де-Бальди (Kirshner J. (1999) *Consilia as Authority in Late Medieval Italy: The Case of Florence*. Studies in Comparative Legal History. Berkeley, CA: Robbins Collection. P. 107).

²² Powell J. M. (trans.) (1971) *The Liber Augustalis or Constitutions of Melfi Promulgated by the Emperor Frederick II for the Kingdom of Sicily in 1231*. Syracuse University Press. P. 38.

²³ Dean T. (2007) *Crime and Justice in Late Medieval Italy*. Cambridge University Press. Pp. 95–96.

²⁴ Dean T. Op. cit. P. 97.

²⁵ Pennington K. (1998) *Due Process, Community, and the Prince in the Evolution of the Ordo iudiciarius*. *Revista internazionale di diritto commune*, no. 9, pp. 9–47. P. 32.

Прескриптивная функция. В отсутствие тех или иных установлений в позитивном праве доктрина в форме *consilia* способна предоставить соответствующее правило (в одном из дел, находившемся на рассмотрении главы (*podesta*) Пармы, ученый-юрист, руководствуясь принципом точности доказательств, рассудил, что если не ясно, кто из нападавших нанес смертельный удар, то все нападавшие могут быть только оштрафованы, но ни один не казнен²⁶).

Конститутивная функция. В своих советах ученые выводят правило, следующее из логики сконструированной ими правовой системы, и тем самым способствуют организации и развитию этой самой системы.

Переходя к описанию сущности функциональной модели доктринального фактора правовой коммуникации, отметим, что, по нашему мнению, функции правовой доктрины не действуют все одновременно. По отношению друг к другу они образуют кумулятивный (нарастающий) эффект, который в конечном счете отражается и на самой доктрине. Схематично это можно представить следующим образом. Доктринальные тексты имеют в качестве объекта функционального воздействия, прежде всего, правосознание (условно разделяемое в рамках соответствующей правовой системы) — именно на него будет воздействовать смыслообразующая функция, определяя процессы легитимации и интерпретации субъектов. Далее прескриптивная функция через установление правил поведения влияет на поведение субъектов коммуникации. При этом авторы доктринальных текстов также рефлексируют относительно многочисленных социальных фактов и того, какие из них должны обладать релевантностью для права, — так проявляется селективная функция, которая выделяет такие факты, а конститутивная функция организует их на основе методов научного познания, создавая тем самым модель правовой реальности. Несомненно, что данная модель, в свою очередь, становится сама по себе объектом исследования для доктрины — объектом, необходимым для непрерывной трансформации правовой реальности.

Выводы

На основе применения понятийного аппарата и основных положений коммуникативной теории права А. В. Полякова, функционального и системно-структурного подхода к осмыслению права, а также благодаря анализу научных позиций отечественных авторов по проблеме доктрины и ее функций, мы получили структуру функций доктрины, которую составляют такие компоненты, как субъект, объект, деятельность и цель. Приложение данной теоретической конструкции к идеям Н. В. Разуваева и А. М. Михайлова позволило сравнить те перечни (составы) функций доктрины, которые они предлагают, и в конечном счете получить новый, несколько скорректированный состав, учитывающий необходимость более четкого (с логической точки зрения) разграничения отдельных функций. Уточненный состав функций, по нашему мнению, должен выглядеть так:

- селективная функция (отбор юридически значимых фактов из общей массы социальных фактов);
- смыслообразующая функция (воздействие на процессы интерпретации и легитимации);
- прескриптивная функция (установление доктриной правила поведения);
- конститутивная функция (конструирование и развитие доктриной представлений о правовой системе).

Предпринята попытка описать функциональную модель доктринального фактора правовой коммуникации, главные особенности которой:

- не одновременное, а нарастающее (кумулятивное) действие функций;
- связанность трех уровней объективации фактора — текстуального (то есть доктрины как правового текста), психологического (порожденные текстом процессы интерпретации и легитимации, происходящие в правосознании) и праксиологического (поведение субъектов права как результат когнитивных процессов в правосознании). Это, в свою очередь, подтверждает идею А. В. Полякова о трех аспектах социальной коммуникации²⁷;

²⁶ Dean T. Op. cit. P. 101.

²⁷ Поляков А. В. Коммуникативная концепция права... С. 11.

- циклический, возобновляемый характер (в результате воздействия доктрины на коммуникацию уже сама доктрина впоследствии испытывает воздействие от изменившейся правовой системы).
Представляется, что на основе полученных в ходе нашего исследования результатов возможно логически вывести и функции иных правовых текстов в правовой коммуникации (для построения в том числе аналогичных функциональных моделей). Указанная задача не стояла в данном исследовании, но ее значимость вряд ли может быть преувеличена, в связи с чем перспективы дальнейших разработок по этой теме более чем осязаемы.

Практическая же значимость изложенных выводов заключается в возможности их инструментального применения субъектами правовой коммуникации (в том числе законодателями и правоприменителями) для целей эффективного конструирования правовой реальности — понимание системно-функционального действия доктрины в правовой коммуникации, и в особенности структуры каждой из функций, потенциально позволит разработать соответствующие постнеклассической парадигме и адекватные поставленным задачам меры по совершенствованию правового регулирования.

Список источников

1. Бочаров А. В. Основные научные методы в историческом исследовании. Учебное пособие. Томск, 2006. 190 с.
2. Бошно С. В. Понятие правовой доктрины // Право и современные государства. 2022. № 2-3. С. 35–45.
3. Вопленко Н. Н. К вопросу о структуре государственной функции / Н. Н. Вопленко, А. В. Козлов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2010. № 2 (13). С. 18–22. EDN: NUKTDT
4. Зозуля А. А. Доктрина в современном праве. Дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Санкт-Петербург, 2006. 232 с.
5. Луман Н. Введение в системную теорию / под ред. Д. Беккера. М.: Логос, 2007. 360 с.
6. Любитенко Д. Ю. Правовая доктрина конституционного суда Российской Федерации: общетеоретический аспект. Дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Волгоград, 2011. 233 с.
7. Михайлов А. М. Юридическая доктрина и правовая идеология: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2022. 711 с.
8. Нерсисянц В. С. Общая теория права и государства: учебник. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. 560 с.
9. Поляков А. В. Коммуникативная концепция права // Коммуникативное правопонимание. Избранные труды. СПб.: Алеф-Пресс, 2014. С. 7–11.
10. Поляков А. В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: учебник. М.: Проспект, 2016. 832 с.
11. Пономарева А. И. Моделирование как метод научного познания: содержание и типология // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. № 12-2 (70). С. 233–237.
12. Разуваев Н. В. Юридическая доктрина как средство конструирования правовой реальности // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2019. № 1. С. 5–22. EDN: NPOJNT
13. Рой О. М. Исследования социально-экономических и политических процессов: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2024. 331 с.
14. Социальные знания и социальные изменения / В. Г. Федотова, В. Б. Власова, Н. Н. Лебедева [и др.]; отв. ред.: В. Г. Федотова; Российская академия наук, Институт философии. М.: Институт философии РАН, 2001. 285 с. EDN: SUQAEV
15. Тихонова С. В. Коммуникативная теория права А. В. Полякова в условиях медиального поворота: структурные точки роста // Российский журнал правовых исследований. 2023. Т. 10. № 1. С. 37–44.
16. Туманов С. Н. К вопросу о понятии и структуре функций государства // Право и его реализация в XXI в.: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию Саратовской государственной юридической академии, Саратов, 29–30 сентября

- ря 2011 г. / под общ. ред. С. Н. Туманова. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2011. С. 53–56. EDN: SYVZNM
17. Чашин А. Н. Правовая доктрина как источник (форма) российского права. М.: ИНФРА-М, 2023. 293 с.
 18. Юдин Э. Г. Методология науки. Системность. Деятельность. М.: Эдиториал УРСС, 1997. 444 с. (Философы России XX века). EDN: TDGBUZ
 19. Dean T. (2007) *Crime and Justice in Late Medieval Italy*. Cambridge University Press, 226 p.
 20. Kirshner J. (1999) *Consilia as Authority in Late Medieval Italy: The Case of Florence*. In: *Studies in Comparative Legal History*, Ed. M. Ascheri, I. Baumgartner, J. Kirshner. Berkeley, CA: Robbins Collection, pp. 107–140.
 21. Luhmann N. (1984) *Soziale Systeme: Grundriss einer allgemeinen Theorie*. Frankfurt. 674 s.
 22. Parsons T. (1968) *The Position of Identity in the General Theory of Action*. In: *The Self in Social Interaction*, Ed. C. Gordon, K. J. Gerden. Vol. 1. New York: Wiley. Pp. 11–24.
 23. Pennington K. (1998) *Due Process, Community, and the Prince in the Evolution of the Ordo iudiciarius*. *Revista internazionale di diritto commune*, no. 9, pp. 9–47.
 24. Powell J. M. (trans.) (1971) *The Liber Augustalis or Constitutions of Melfi Promulgated by the Emperor Frederick II for the Kingdom of Sicily in 1231*. Syracuse University Press.

Об авторе:

Новиков Петр Дмитриевич, ассистент Высшей школы права Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (Калининград, Российская Федерация), аспирант; e-mail: pnovikoff@yandex.ru

References

1. Bocharov, A. V. (2006) *Basic scientific methods in historical research*. Tomsk. 190 p. (In Russ.)
2. Boshno, S. V. (2022) *The concept of legal doctrine*. Law and Modern States. No. 2-3, pp. 35–45. (In Russ.)
3. Voplenko, N. N., Kozlov, A. V. (2010) *On the issue of the structure of the state function*. Science Journal of Volgograd State University. No. 2-13, pp. 18–22. (In Russ.)
4. Zozulya, A. A. (2006) *Doctrine in modern law*. Candidate of Legal Sciences Dissertation: 12.00.01. St. Petersburg. 232 p. (In Russ.)
5. Luhmann, N. (2007) *Introduction to Systems Theory* / ed. by D. Becker. Logos Publishing House. 360 p. (In Russ.)
6. Lyubitenko, D. Yu. (2011) *Legal doctrine of the Constitutional Court of the Russian Federation: general theoretical aspect*. Candidate of Legal Sciences Dissertation: 12.00.01. Volgograd. 233 p. (In Russ.)
7. Mikhaylov, A. M. (2022) *Legal doctrine and legal ideology: textbook for universities*. Yurait Publishing House. 711 p. (In Russ.)
8. Nersesyants, V. S. (2012) *General theory of law and state*. Norma: INFRA-M. 560 p. (In Russ.)
9. Polyakov, A. V. (2016) *General theory of law: problems of interpretation in the context of a communicative approach: textbook*. Prospect. 832 p. (In Russ.)
10. Polyakov, A. V. (2014) *Communicative concept of law. Communicative legal understanding. Selected works*. Alef-Press. P. 9. (In Russ.)
11. Ponomareva, A. I. (2020) *Modeling as a method of scientific knowledge: content and typology*. Economics and Business: Theory and Practice. No. 12-2 (70), pp. 233–237. (In Russ.)
12. Razuvaev, N. V. (2019) *Legal doctrine as a means of constructing legal reality*. Theoretical and Applied Law. No. 1. Pp. 5–22. (In Russ.)
13. Roy, O. M. (2024) *Research of socio-economic and political processes: textbook for universities*. Yurait. 331 p. (In Russ.)
14. Fedotova, V. G. (eds.) (2001) *Social knowledge and social changes*. Institute of Philosophy RAS. Moscow. 285 p. (In Russ.)

15. Tikhonova, S. V. (2023) Communicative theory of law by A. V. Polyakov in the context of media turn: structural points of growth. *Russian Journal of Legal Studies*. Vol. 10, no. 1, p. 40. (In Russ.)
16. Tumanov, S. N. (2011) On the question of the concept and structure of the state function. *Saratov State Law Academy*. Pp. 53–56. (In Russ.)
17. Chashin, A. N. (2023) Legal doctrine as a source (form) of Russian law. *INFRA-M*. 293 p. (In Russ.)
18. Yudin, E. G. (1997) Methodology of science. Systemicity. Activity. *Editorial URSS*. 444 p. (In Russ.)
19. Dean, T. (2007) Crime and Justice in Late Medieval Italy. *Cambridge University Press*. 226 p.
20. Kirshner, J. (1999) Consilia as Authority in Late Medieval Italy: The Case of Florence. In: *Studies in Comparative Legal History* / Ed. M. Ascheri, I. Baumgartner, J. Kirshner. *Berkeley, CA: Robbins Collection*. Pp. 107–140.
21. Luhmann, N. (1984) *Soziale Systeme: Grundriss einer allgemeinen Theorie*. Frankfurt. 674 s.
22. Parsons, T. (1968) The Position of Identity in the General Theory of Action. In: *The Self in Social Interaction*. Vol. 1. *Wiley*. Pp. 11–24.
23. Pennington, K. (1998) Due Process, Community, and the Prince in the Evolution of the Ordo iudiciarius. *Revista internazionale di diritto commune*. No. 9. Pp. 9–47.
24. Powell, J. M. (trans.) (1971) *The Liber Augustalis or Constitutions of Melfi Promulgated by the Emperor Frederick II for the Kingdom of Sicily in 1231*. *Syracuse University Press*.

About the author:

Petr D. Novikov, Assistant at the Higher School of Law, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russian Federation), PhD student; e-mail: pnovikoff@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.